

2.5 Распознавание из-ображённых смыслов

Едва ли можно говорить о некоем осмыслении изображения и помышлять о том иначе, как о раскрытии смыслов для личности воспринимающей, о-сознающей. Существует ли смысл сам по себе, вне нашего восприятия... - впрочем – не о том речь. Считаем, что изображение, тем более иконное – содержит от своего создания вложенные смыслы и наше дело, участь наша – уяснить их, раскрыть для себя, познающих. Изображённое – не есть некая бессмыслица, выраженная в красках, цвете, формах, в сюжете. Смыслы – заложены в изображение от самого замысла о них. Быть может, вымолвит некий унылый скептик: «не ищите смыслов там, где их нет, не занимайтесь вы-думыванием из себя, от ветра главы своея - того, чего нет вовсе в видимом, что не пред-усмотрено и не вложено в из-ображение автором. Как знать, быть может, и не вполне о-сознанно - вложенные смыслы – запечатлены в изображении – помимо про-изволения мастера, неким внешним духовным дуновением, наитием... и мастер был лишь посредствующим – медиумом, дудкой Божией, вы-дувающей, пропускающей сквозь себя внешние веяния - вытворяющей красоту... Как знать о том... Но считаем мы наиболее верным, взирая на про-изведения живописателя – и восклицаем вслед его современникам: зело хитёр был мастер Феофан... зело умудрён и даровит пониманием, проникновением в Господа... и создавая, пре-поднося нам в наследство – образ, видимое нами – он вкладывал в изображение, пред-усматривал в нём саму возможность нашего понимания – гораздо большего понимания, чем то, что может открыться сразу, чем то, что лежит на поверхности изображённого, но требует усилия и дерзновения к осознанию... такому благодатному и благо-приятному, и, как веруем, вполне полезному, применимому к нашей жизни, к нашей душе, к нашему... лично - к моему – христианству.

Итак, веруем и помышляем о заложенных в изображениях замыслах, заложенных как Богослужбной литургической и частной молитвенной практикой, так и унаследованной в традиции церковного живописания, связанной с этой практикой. Вместе с тем, смыслы влагаются и автором живописи – смыслы особенные, порою очень напряжённые и важные чрезвычайно. И, вкладываясь в изображение, эти смыслы не всегда и совершенно не обязательно пред-назначены к их распознаванию и прочтению. Зачастую, мы – стоим перед из-ображением, объятые его красотой, его полнотой, экспрессией, цветовой гармонией. Научаемся дидактикой пре-подавания от видимого, встречаем искомый, знакомый сюжет, радуясь эстетике и качеству, видимой полноте пре-поднесения его нам. Обрамляемся некими со-цветиями, со-звучиями нам этого сюжета, увлекаемся собственно изобразительностью, совершенно не располагая возможностью за Богослужением разбираться в каких-либо смысловых нюансах видимого. Бого-служение, литургическое течение времени вне времён – пре-уготовливает человека к вос-приятию Святых Даров, к со-единению со Христом – не предполагает, что внутри этого Бого-служебного действия будет вмещено некое параллельное частное – внутреннее делание – расслышивание в симфонии Богосужения – и вычленения из неё отдельного голоса на языке образа – будем заняты и увлечены в уяснение смыслов, изображённых в иконе. Мы за Богослужением – усиливаемся вникает в произносимые кафизмы, и порою от хорошо знакомого текста внятно расслышиваем лишь отдельные фразы, но не столько проникаемся их смыслами, сколь вчувствуемся - в течение шестопсалмия, пред-ставляя себя на грядущем Страшном Судилище в полутьме абсолютного внешнего без-образия, вслушиваемся в каноны и зачастую улавливаем лишь отдельные словесные образы, не отчаиваясь тем и усиливаемся не утратить нити Богослужения... вос-торгаемся воз-глашениями и воз-носимся вос-певаниями... оглашенными – со-участвуем в литургии оглашенных и верными за литургией верных – востекаем ко Христу, принимаем к Спасителю и единомысленно, и каждый отдельно – яко разбойник исповедуя - принимаем Его... За столь онтологически – наиважнейшими занятиями не должно нам от-дельно заниматься распознаванием смысловых нюансов в окружающей иконописи, которые, несомненно, вложены в из-ображённое. Более того, занятие распознаванием иконописных нюансов и смысловых значений за Богослужением, - а для чего бы ещё пребывать нам в храме Божиим, - отвлекло бы нас от «единого на потребу», увело бы от самой литургии. И, вместе с тем, изобилие этих нюансов – присутствует в иконописи и со-присутствует в литургии вместе с нами, создавая симфонию красоты и смыслов, церковного благо-лепия и благо-честия с открывающимися нам глубинами проникновения к Перво-образу, частью мистагогии – тайноводства - тайного - возведения человека к непознаваемому Богу через образы и смыслы общего делания - преисполненного смыслами, звучащими полифонично и симфонично – к Тому, Кто вне – всяческих образов и превышает всяческие смыслы. И вот, за Бого-служением пребываем в образном пространстве, внутри его, - окружены образами и, занятые литургией, не обращаем внимания на частности... окружены смыслами символов – и нам не до отвлечения на смыслы эти... не до распознавания их. Не означает это, что не-смысленной тварью должно нам вникать в литургию, проникаться ею. Как не означает это и того, что вместо молитвы – должно нам разбирать хитросплетённость и красноречие иконного языка и устройство образа перед нами, вокруг нас. Символы и знаки, окружая нас, действуют как-то иначе, не через наше разумное познание их, не через от-делённое от литургии о-смысление части видимого в литургическом целом. О-смысление образа – возможно, но не пред-полагается само по себе – вне литургии, в некоей от-

делённости от молитвенного действования. Это, можно сказать, наш камень – в собственный огород, некий весомый упрёк личному усилию в образо-ведении, почти уж поддержка расцерковлённой иконо-логии, в которой церковь – сама по себе... логия о ней – отдельно. Искусство-знание – вместо во-ображения. Крайности... крайности... - не допустимы они никак. С одной стороны крайности недопустимой – вне-церковное рассматривание иконописи и сосредоточение лишь на вне-литургических нюансах: красоты, технологии... как вершина познания и трудов – любование и почитание в иконе эстетики, стиля, художественности самой по себе – в контексте исторической ценности. На противоположной стороне крайности – фактическое иконо-борчество, отрицание образа в течение литургии. Образа иконного, как некоего вторичного явления, несущественного, отвлекающего от литургического существа, видение образа, как некоего вторичног, не значительного, не существенного, некоего не нужного даже, чуть ли ни иного «чёрного входа» ко Господу, входу помимо Царских Врат литургии... и какая тогда нам разница, какие смыслы заложены в нём и не до смыслов вообще нам тогда, когда и сердце и ум наш – заняты единственно Богом. По сути обе отмеченные крайности: вне-литургическое иконо-ведение и вне-иконная литургия – суть формы иконоборчества, формы не приятия образной полноты и назначения, способы поругания образа... считаем так.

На драгоценный истинный, вымоленный и выверенный пред-шественниками во Христе путь к Богу – настраивает нас православная иконопись, образованная красота... и как вершина её – иконопись, со-проводжающая церковное таинство, со-проводжающая нас в общей молитве, в литургии, в обрамлении, в о-формлении церковного таинства, - пространственный церковный образ, как целостная живописная симфония, формирующая литургию, органично и неотъемлемо вписанная в литургическую тектонику. Не открывающиеся нам смыслы – уподобим тайным молитвословиям священника за затворённой катапетасмой, - не все молитвы надлежит слышать нам, не всё таинственное должно быть раскрытым настезь, таинством – наружу – об-наружено, раз-облачено перед нами. Сама со-кровенность, при-кровенность таинства – настораживают нас, исполняют благо-говением - перед проникновением к нему... наше дело – стучать в двери но отвориться ей возможно лишь с «с той стороны» - и не принудить Отворяющего. Мы можем знать, что про-износится священником за завесой, но не к нашим ушам – обращено про-износимое. Мы можем знать, что происходит за затворёнными вратами, но не должно нам видеть этого... в особенные моменты литургии даже и перед про-явленным перед нами образом - Великим входом - должно отвести - опустить вежды. Не должно нам видеть, слышать и разбирать нюансы того, как при-общается священник... - на Пасху лишь откровенны нам образы райских врат. Но и Пасхой – не расслышим, что про-износит иерей в за-амвонных молитвах. Символ всегда утаит в себе часть не познаваемости, не – ведения о себе. Сколь велика эта со-кровенная перед нами часть, сколь ещё при-откроется она по мере нашего вовлечения... Скажем ещё более дерзновенное: не всегда столь уж важно и дословное слышание того, что читается в церкви... что не умаляет самого чтения и не позволяет пре-небрежения к нему. Бесы – веруют и трепещут... и мы – веруем с трепетом, но, в отличии от них, – веруем об-надёженно, даже и не разбирая смысла слов. А сам по себе разбор смыслов ещё не вселит надежды в нас и не обязательно – воз-греет наше литургисающее сердце, - это дело исключительно тепла перстов Господних и Его дыхания к нам. Конечно, Само-достаточен Бог, не принуждаем. И нам – достаточно полноты Его,

вполне - достаточно Самого Христа, и не со-провождённого никаким до-полняющим Его словом – не дополнить полноты Господней. Но невозможно от-делить литургию от нас самих, она не течёт вне человек, - не по разуму размыслим так: не существует небесная вне земной, не может совершиться в безлюдном храме. И нам – невозможно вне литургического таинства приникнуть ко Спасителю, пре-уготовить и пред-ставить себя Ему, принять Его и вместить Его. «Сие – творите», – заповедал Он Сам.

Тот же срединный путь – открывается перед нами во взаимоотношениях нас и смыслов, заложенных в образ иконописный, пространственный, литургический. Не впадём в крайности иконоборчества, в крайность разумного воз-бешения и пре-возношения над живописью икон... в крайность удаления, от-влечения от образа – в без-образную глубь литургии. Не сочтём пространственную икону за нечно несущественное, мало-значительное, вторичное в Богослужении. Но увидим образ благо-созданный и благо-обретённый нами, как дивную и велико-лепную грань нашего без-ценного сокровища – Бого-служения в православии. Не сочтём возможным для себя принятие иной крайности – углубления в смыслы изображённого – вне литургии. Усилимся удержаться на пути срединном целостного восприятия образа – как оформляющего нас, удерживающего нас на пути нашего шествования к Царским вратам, к пре-поднесённой нам Чашей с полнотою Божественного естества, уготовленной к про-никновению в нас. Не дадим отвлечь себя ничему постороннему, благодарно и трепетно – приникая к образу, духоводствующему нами вокруг нас.

С живописью бесталанной, без-благодатной, бес-полезной и бес-смысленной, пусть и пестреющей мнимой красотостью – не станем иметь никаких личных отношений, - будем молиться вблизи и внутри неё, как бы не глядя, вопреки, как бы её не было вовсе, - да не затронет она нас совсем. В прямом смысле слова: молиться - не смотря на неё, досадуя несколько на раздражение без-образием, без-смыслицей, не-благо-видностью, которое возбуждает она в нас вместо благоговейного молитвенного со-зерцательного настроения, скорее препятствуя в литургии, чем со-проводя в ней. Слава Господу и мастерам светлым и духоносным образотворцам – оставлены нам ими лучшие духоносные образцы – свидетельства образного про-никновения в существо литургии, в литургическую Бого-служебную ткань. Те самые камертоны, высокие струны, которые звучат образами столь пронзительно, столь чисто, явственно вокруг нас в творениях, разбираемых нами на примере фресок Феофана.

Почти вынужденные нашей любовью к открывающемуся перед нами - несколько устранившись от литургии - сосредотачиваемся теперь на смыслах, заложенных в этих дивных образах. Слишком значительны они к тому, чтобы мы могли позволить себе вовсе не замечать их, либо отстраняться от про-являющегося, слишком глубоки и весомы эти смыслы для нас, утверждают нас на наших извивистых стезях в шаткой по-ступии к Богу. Повторимся: не придёт на ум заниматься нам раскрытием смысла образов – вместо или во время с Богослужением, но оправдываема ли чем-нибудь наша лень или робость, нерешительность перед этими образами – разобраться в пре-подаваемых нам смыслах, хоть бы прильнуть к ним... дабы принять их к себе, к тому, чтобы, восприняв и имея их в себе – уже и не глядя на образ – ощущать на своём теле, своей душе, на самом духе своём – их формирующее, окормляющее воз-водящее нас воз-действие усвоенных смыслов. Здесь уместно бы – вспомнить высказывание псково-печерского монаха, переданное нам его

духовным чадом, сетовавшим на то, что, де, не может он разобрать слов литургической молитвы и это ему так мешает за Богослужением. Старец ответил так, что лично ему смыслы известны с детства и теперь не столь уж важно разуму всякий раз вновь расслышивать отчётливо то, что запечатлено в сердечной молитвенной памяти и оживает само собой при от-далённом даже не внятном и не-о-сознанном слышании. Не так ли с образами живописными, образами Феофана... Единожды о-смыслив их для себя, усвоив себе созвучия этих смыслов – можно, удивившись и обжегшись высотой и пронзительностью их – далее нести на себе следы этого опаления, эти ожоги, эту пронзённость, поверженность смыслами и воз-ведённость ими. Эти раны – опаления пылающих, сиятельных смыслов, ожоги – не изводимые из нашей никакой нашей нечистотою, никакими нашествующими на нас приступами безразличия и охлаждённости. Порою, сокровится в нас памятование об обрётённых смыслах, но не изотрутся они совсем уже никогда, - вос-сияют внове – во благовремени.

Смыслы, запечатлённые однажды, уже не сойдут в не-бытие. Станут вос-сиявать вновь и вновь, прорастая из наших глубин, очищаясь нашей молитвой и промышленiem – попечением Господним о нас. Да не удалимся же от дарованных нам осмыслений, не отвлечёмся, не увлечёмся неведением, не оправдаем своей лени, своего без-различия, своего не-любопытства... пожалуй, что - достаточно пред-осудительного перед такими - образами. Возможно ли, достойно ли человека принявшего Христа, крестившегося – безразличествовать, не любопытствовать, не восторгаться, не воз-греваться, коснеть и не отзываться на этот образный клич... призыв откровенный. Возможно ли, откликнувшись образом Божиим в нас, встрепенувшимся в нас перед образом живописанным, восторгнувшись перед красотой и смыслом, не обрести того, что пре-поднесено нам, пре-поднесено не к разумению одному, но к живому, насущному использованию, к опалению наших душ перед откровенным образом, к вос-пламенению нашего сердца – как трута пред искромётным вос-крешающим кресалом... к оживлению внутри литургии. Вот этот термин представляется достаточно точным. Образ в пространстве литургии и смыслы, заложенные в него – оживляют нас перед Богом, к со-общению, к взаимному вос-приятию твари и Творца, - оживляемой твари и Бога Живаго. Не холоден – ни горяч, - вос-палишься сам внутри этого пространственного, сиятельного, экс-прессивного и велико-лепного пространственного образа. Вос-палишься и вос-пламенишься таковым образом к вос-приятию литургии, к со-участию в ней, к со-вместному вос-приятию Христа, к из-несению Христа воспринятого изнутри образа – в мир... к передаче воспринятого Христа миру и ближним. Вы есть – свет Христов... Вы – боги, - говорил апостол... - боги, несущие Христа в себе, боги – Бого-носцы, - возможно ли тлеть неведением, - так понимаем и следуем благодарно за смыслами, распознаваемыми нами во фресковом ансамбле, быть может, лучшего из образотворцев... Распознаём распознаваемое –осторожно, не смешивая наше распознавание с молитвой, не замещая самой литургии, не подменяя образным возбуждением – Самого Христа, не обманываясь и не удовлетворяясь одним лишь душевным опалением красотой. Не дерзаем помышлять о возможности образу заменить Христа. Остерегаемся и того, чтобы образ перед нами – мог бы заслонить Спасителя. Не воз-мыслим, что светильник благо-разумной девы заменит ей Жениха. Не останавливаемся на распознавании смыслов и не пренебрегаем ими, неопенимыми и не вместимыми в полноте. Не помышляем о себе, как о вместилище некоей полноты разумения вне Бога. Так – милостью Божией - не допустим в себе уничижения образопочитания. С этим настроением,

с этим умо-устроением считаем возможным, не удаляясь в крайности вне-христианского
смотрения на образ, как предмет искусства и только... или крайности иконоборчества –
воспринять образное пространство – к пониманию его, к разбору и от-кровению для себя, к
пре-умножению личных со-кровищ – личного образа... через у-яснение того, что
сохранено, пре-поднесено и не по заслугам -даровано – нам.